

Чэнь Цзин снова где-то накосячил? — внезапно спросил Цзян Янь.

Ресницы Чэнь Цзина, покрытые капельками влаги, чуть задрожали. Он на миг замер, но в конце концов всё же попытался выгородить того человека:

— Не знаю.

Услышав, как этот бестолковый парень сходу защищает другого, Цзян Янь холодно сощурил выразительные брови. Он ни единому слову не верил, а такая жалкая актерская игра Чэнь Цзина не смогла бы обмануть даже собаку.

В глазах Цзян Яня мелькнул мрачный огонек. Опустив взгляд, он посмотрел на Чэнь Цзина. Чэнь Цзин нервничал сильнее некуда: он боялся даже поднять глаза, ладони его вспотели, а на ключицах выступил тонкий слой влаги.

Уголки его глаз покраснели, а голос прозвучал охрипло:

— Не знаю, так не знаю, хватит пялиться...

Без всякого предупреждения Чэнь Цзин вдруг соскользнул с ледяного стула, свернувшись калачиком от пробирающего до костей холода.

— Чэнь Цзин? — резко окликнул его Цзян Янь.

Лицо юноши покраснелось, он сжался в комок на стуле, а в красивых глазах стояли прозрачные слёзы. Цзян Янь инстинктивно опустился на колени и протянул руку, чтобы коснуться лба Чэнь Цзина — тот был обжигающе, невероятно горячим.

Чэнь Цзин заболел?

Не колеблясь ни секунды, он подхватил юношу на руки.

Тело парня пылало необычным жаром, даже кожа, соприкасавшаяся с его собственной грудью, казалась раскаленной до предела, а приоткрытый рот то и дело беззвучно двигался, ловя воздух.

Затаив дыхание, Цзян Янь нашел первую попавшуюся ближайшую комнату, с размаху пнул дверь и аккуратно опустил Чэнь Цзина на кровать. Стянув с него обувь, он на миг замер — его взгляд упал на покрасневшие от сдавливания щиколотки.

Помолчав добрую минуту, он все же поднялся, чтобы укрыть Чэнь Цзина одеялом.

Цзян Янь потер переносицу, стараясь изо всех сил сдерживать взгляд, чтобы не смотреть слишком жадно на лицо Чэнь Цзина. У каждого живого существа есть рот, но слегка приоткрытые влажные губы Чэнь Цзина, сквозь которые виднелся манящий розовый язычок, заставили Цзян Яня на секунду замереть от затаившегося дыхания.

С чего бы им быть такими розоватыми, на вид такими нежными, мягкими и теплыми...

Кадык Цзян Яня судорожно дернулся. Черт возьми, да он же совсем хрупкий, чуть что — сразу заболевает, и надо же было случиться такому именно в этот момент.

Мать твою, это же просто смертельный номер.

Он попытался позвать пару раз:

— Чэнь Цзин, эй, Чэнь Цзин.

В его тоне прозвучала нежность, которую он сам даже не заметил.

Юноша с затуманенным от слез взором посмотрел на него, в глазах плескалась полная растерянность, а губы беззвучно зашевелились:

— Цзян Янь, мне так плохо...

Тело то бросало в жар, то в холод, было невыносимо тяжело, нечем дышать.

Стоило юноше позвать его таким мягким, лишенным костей голосом, как Цзян Янь мгновенно окаменел. Простояв так секунд пять, он пришел в себя, слегка сдвинулся с места словно задеревенелым телом и глубоко вздохнул.

Лицо Чэнь Цзина постепенно заливалось румянцем, дыхание становилось все чаще, и Цзян Янь отчетливо слышал его прерывистые хрипы. В горле у Цзян Яня пересохло, он смотрел на лицо Чэнь Цзина и тихонько гладил его.

От жара кожи даже сердце замирало в груди.

— Будь умницей, ты заболел, закрой рот, — с мрачным лицом произнес Цзян Янь, понимая, что тот даже в лихорадке умудряется соблазнять.

Заметив, как Чэнь Цзин в полусне тихонько промычал что-то в ответ, глядя на него полными влаги, абсолютно наивными и ничего не соображающими глазами, Цзян Янь слегка приподнял уголки губ, но тут же сдержанно свел их в тонкую линию и бесстрастно бросил:

— Жди здесь, я найду лекарство.

Да и разве можно было отыскать лекарство в таком проклятом месте.

Зарывшись головой в плотную ткань одеяла, Чэнь Цзин издал жалобный стон. Из-под пледа виднелись лишь заплаканные ресницы, а полный обиды взгляд словно молил о пощаде и жаловался на невыносимую боль.

В тот же миг у Цзян Яня до боли пересохло в горле.

[Ох, чёрт возьми! В жизни так не залипал на экран!]

[А-а-а, ну зачем он опять теребит одеяло, это же моя жена, имейте совесть!]

[Да у жены от взгляда аж нити тянутся, Цзян Янь, ты вообще мужчина? Как тут стерпеть, я уже задыхаюсь...]

[Эй, парень сверху, дрочишь тут и еще умудряешься комментарии строчить? Да я сейчас от зависти умру, просто подавился лимоном, жпг]

...

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Чэнь Цзин наконец очнулся.

Одурманенный сном, он приподнялся на кровати, и мягкое белоснежное одеяло соскользнуло с его плеч. Несколько влажных черных прядей прилипли ко лбу и щекам. Он потер затуманенные глаза, и на фоне покрасневшегося от лихорадки лица с капельками холодного пота это придавало ему какое-то невыразимое очарование.

— М-м, — в горле першило так, будто там всё выгорело.

Свет потолочной лампы бил прямо в глаза, и Чэнь Цзин заслонился рукой, выглядя мягким и беспомощным, как потерянный ягнёнок.

Система бесстрастно произнесла:

— Зрители прямой трансляции собрали сто тысяч очков и купили лекарство, оно выпало у Цзян Яня.

Чэнь Цзин остолбенел:

— Собрали средства?

Он вмиг пришел в себя. Как такое возможно?

Система больше ничего не ответила. Выполняя обязанности администратора и управляя прямой трансляцией Чэнь Цзина, она сама была крайне удивлена тем, что зрители проявили такую инициативу и скинулись игроку на лекарство — в Бездне никогда не существовало подобных безрассудных просьбам мест. В конце концов, много ли в игре найдется тех, кто станет ради другого топтать по головам новичков и вытаскивать их из грязи? К тому же, судя по обычным комментариям этой толпы, они были способны лишь распускать слюни на чужую красоту. Ста тысяч очков хватило бы на покупку предмета уровня S, и было трудно представить, что зрители окажутся настолько щедрыми — даже за идеальное прохождение подземелья уровня A дают всего пять тысяч очков.

Те игроки, что способны добиться идеального прохождения в игре, кажется, еще даже не появлялись, а рекордсмен из таблицы лидеров набирал максимум девяносто шесть процентов.

Но стоило системе бросить взгляд на прелестное, вызывающее всеобщую любовь лицо Чэнь Цзина и его затуманенный взгляд, как она внезапно всё поняла.

Цзян Янь вернулся, принес с собой обезболивающий спрей и жаропонижающее, найденные в медицинском кабинете. Сев на край кровати, он приподнял ногу Чэнь Цзина, положил ее себе на колено и аккуратно оросил спреем припухшую щиколотку.

Просто мистика какая-то: в огромном медицинском кабинете не оказалось вообще ничего, кроме этого средства от отеков и боли да жаропонижающего.

Переведя взгляд на лицо Чэнь Цзина, он заметил, что белоснежный лоб юноши покрылся испариной. В тесном пространстве царила давящая тишина.

Капли лечебного спрея на щиколотке приятно охладили кожу.

Юноша вздрагивал от каждого прикосновения, словно оживающий на заклинание ягнёнок, а его влажные глаза заставляли лишь сильнее желать затиснуть его до полусмерти, вызывая жгучее умиление.

Заметив в руках Цзян Яня лекарство, купленное на собранные зрителями трансляции очки, Чэнь Цзин почувствовал, как глаза вновь наливается слезами. Почему все так добры к нему?

В этот самый момент Цзян Янь неожиданно подался вперед.— Черт, кхм... — не успел он договорить, как Цзян Янь другой рукой ухватил его за челюсть, заставляя слегка приоткрыть рот.

Зажав его подбородок, рука с зажатой пилюлей тут же втиснулась в теплую полость рта, властно скользя по мягкому, влажному и нежно-розовому языку. Цзян Янь почувствовал, как от обжигающего тепла у него онемел затылок. Уставившись на безупречно белую кожу на его шее, парень с трудом сглотнул.

— Ты... что ты делаешь?!

Левой рукой он с трудом упирался в край кровати. Разгоряченное лицо Цзян Цзина покрылось ярким румянцем, а тело настолько размякло, что в нем не осталось ни капли сил для сопротивления.

В тот момент, когда чужеродный предмет проник в рот, Цзян Цзин так сильно поперхнулся, что уголки его глаз покраснели от выступивших слез.

Правая рука, сжимавшая запястье Цзян Яня, тоже напряглась. Цзян Яню показалось, что это слабое, безвольное движение было похоже на ласковое манящее поглаживание.

Даже розоватые пальчики на ногах чуть подожались, а их красивые суставы отливали легким розовым оттенком. Лицо и кончик носа Цзян Цзина пылали алым, а трепещущие ресницы были влажными от слез.

Ох, ну почему его вечно все обижают?

Услышав бурные мысли юноши в его голове, Система сдержала шесть точек: [.....]

Пока Цзян Цзин, кашляя, не проглотил пилюлю, Цзян Янь не смягчал движения. Лишь вытащив липкие пальцы, он скользнул ими по влажным, обжигающе-горячим губам.

Напоследок он, казалось, даже нежно и едва ощутимо коснулся их подушечкой пальца, после чего бесстрастно опустил руку вдоль тела.

[Ах, мать твою, что за божественный способ кормления лекарством! Знает же, что жена — мягкотелая и податливая, и всё это нам показывает, просто потрясающе!]

[Блин, развитие сюжета и правда такое длинное и сочное, прямо в самое сердечко, именно то, что хочется сделать с женой, а-а-а!]

[Умоляю, затащите его в подземелье, пусть он там поможет жене взбодриться!]

[Что за тупорылую херню тут всякую пихают? Вот в трансляции у Старика Юаня по соседству — вот это я понимаю красота, против Мяслика... Твою мать, какая же божественная красота! Жена! Олицетворение чистейшего восторга!]

— Ух, ненавижу, — тихонько отчитал его юноша, прикрывая рот рукой. Сладковатая хрипотца в голосе придала этим нескольким словам еще больше пикантности.

Их взгляды переплелись. Цзян Янь сузил свои пронзительные глаза и фыркнул:

— По-твоему, мне следовало дать тебе сгореть на кровати?

Еще чего! Разве... разве можно так кормить лекарством? Он ведь и сам мог бы проглотить, думал Цзян Цзин с покрасневшимся лицом.

Все они тут сплошные негодяи.

Утирая слезы в уголках глаз с подавленным видом, его губы, от природы казавшиеся болезненно-бледными, после такого обращения порозовели, став влажными и блестящими, отчего так и манили поцеловать.

Цзян Янь крепче сжал пальцы: язык у него острый, а на ощупь — мягкий.

Атмосфера становилась все тяжелее.

Вспомнив о побочном задании, выданном Системой, Цзян Цзин облизал губы, приоткрыл рот, все глубже хмурия брови, и с покрасневшим лицом робко спросил:

— Скажи, а... Цзян Янь, можно кое о чем спросить?

Почему у него к нему такая сильная предвзятость?

Услышав это, Цзян Янь замер. Секунду спустя он смущенно кашлянул, отводя взгляд:

— Как хочешь... ну, можешь поцеловать.

Губы у него такие мягкие, один поцелуй вряд ли будет в убыток.

Цзян Цзин: «.....?»

Цзян Цзин, только что собиравшийся задать вопрос, ошеломленно уставился на него.

[Ржу до слез, порвался, задохнулся от смеха, жена спрашивает, можно ли поцеловать?]

[Ответ предыдущему оратору: можно, мать твою, да хоть писькой впритык, никто не против!]

[Жена, не смотри туда! На верхних этажах лютая дичь творится!]

[Блин, сейчас сработают запретные слова! Модер зачищает ветку, все в подполье, живо!]

Комментарии в трансляции после действий модератора взбудоражились пуще прежнего, а многие зрители просто покатывались со смеху от идиотского поступка Цзян Яня.

Заметив растерянное и ничего не понимающее выражение лица Цзян Цзина, Цзян Янь быстро пришел в себя, и его лицо залилось густой краской цвета печени.

Слегка поморщившись и прикусив изнутри щеку, он шевельнул губами, несколько раз с трудом проглотив слова на кончике языка, а затем вновь выпрямил спину и поспешно ретировался.

Цзян Цзин склонил голову набок и задумчиво отвел взгляд.

Его густые ресницы безмятежно опустились. Вспомнив прежнее холодное и безжалостное выражение лица Цзян Яня, он не удержался и тихонько усмехнулся: этот Цзян Янь...

Кажется, он такой скрытный романтик.

Но стоило ему только повернуть голову, как он обнаружил, что у двери кто-то стоит.

Заметив беззаботную улыбку на лице Чэнь Цзина, Цзян Цзин слегка вздрогнул. Чэнь Цзин стоял, скрестив руки на груди и лениво прислонившись к косяку, а его дерзкие и необузданные черты лица были резкими и четкими.

Его глаза подернулись мягкой рябью, на губах играла легкая улыбка, напоминающая серп луны в ночном небе, но стоило взглянуть подольше, как становилось заметно, что за этим скрывается бездонная и трудно скрываемая ревность.

В ту секунду, когда он увидел чистую улыбку на лице юноши, обращенную к кому-то другому, в глазах Чэнь Цзина мелькнула мрачная тень.

— Ты заболел? — спросил он.

Цзян Цзин опустил голову и тихонько промычал в ответ.

Получив такой ответ, Чэнь Цзин помрачнел еще сильнее.

Уткнувшись лицом в белоснежное одеяло, Цзян Цзин полусонным голосом котенка произнес:

— Мне так плохо, Цзян Янь нашел мне жаропонижающее. — С этими словами он приподнял голову, и в его чистых глазах отразился только Чэнь Цзин.

Мрачность в глазах мужчины тут же немного рассеялась.

Спокойным тоном Чэнь Цзин произнес:

— На этом круизном лайнере не останется никаких средств связи и спасения. Ни спасательных шлюпок, ни спасательных кругов, ни жилетов. Цзян Цзин ведь наверняка уже думает о том, как отсюда сбежать, верно?

— Ты изначально не участвовал в этой глупой игре, и то, что ты ничего не знаешь — лучшая защита для тебя, понимаешь? — подходя к кровати, мягко произнес Чэнь Цзин, и морщины на его красивом лице разгладились.

Он наклонился и нежно провел пальцами по разгоряченной щеке Цзян Цзина.

— Угу, — послушно и кротко спрятав нос в одеяло, отозвался Цзян Цзин, и в его голосе отчетливо слышался сильный носовой оттенок.

В его манерах явно сквозило желание поласкаться, вот только сам он этого совершенно не осознавал.

Сердце Чэнь Цзина растаяло, густая мгlistая злоба рассеялась наполовину, и он словно в порыве наваждения протянул руку, чтобы потрепать больную голову юноши.

[Пёс Цинь: Разве ты не должен был смотреть на него полными разочарования глазами?]

[Пёс Цинь: Эй, эта сволочь внизу, не пиши бред]

[А вот и принудительная любовь к жене! Чэнь Цзин в нем разочаровался, кроме Цинь Юаня, эта тусовка ни на что не годится!]

[Скидывались деньгами на лекарство для жены ради чего? Чтобы посмотреть, как жена живенько плачет, когда ее обижают!]

<http://bllate.org/book/21797/2255392>